

ЮРИЙ ИВАСК

ИГРАЮЩИЙ ЧЕЛОВЕК

поэма

Книга издана на средства Фонда друзей Юрия Иваска.

YURY IVASK

HOMO LUDENS

a poem

C.A.S.E. Third Wave Publising
Paris-New York
1988

ЮРИЙ ИВАСК

ИГРАЮЩИЙ ЧЕЛОВЕК

поэма

Издательство «Третья волна»
Париж-Нью-Йорк
1988

Редактор – Александр Глезер
Художник – Виталий Длуги

На первой странице обложки репродукция работы Ю.Иваска «Играющий человек».

ISBN: 0-937951-04-8

ОБ АВТОРЕ "HOMO LUDENS"

Юрий Павлович Иваск (1910–1986; литературные псевдонимы Б.Афанасьевский, Г.Иссако, Б.А. и Ю.И.), поэт, критик и литературовед, родился в Москве. После революции 1917 г. переехал с семьей в Эстонию, где закончил юридический факультет Юрьевского университета. Изучал философию в университете Гамбурга, а в 1949 г. защитил диссертацию «Вяземский как литературный критик» на соискание докторской степени в Гарвардском университете. Преподавал русскую литературу в государственных университетах Канзаса, Вашингтона и Массачуссетса и в Вандербилтском университете. Автор сборников стихов: «Северный берег: стихи 1933-1936» (Варшава, 1938), «Царская осень: вторая книга стихов» (Париж, 1953), «Хвала» (Вашингтон, 1967), «Золушка» (Нью-Йорк, 1970), «Завоевание Мексики: сказ раешника» (New England Publ. Co., 1984) и «Я – мещанин» (New England Publ. Co., 1986). Стихи Иваска печатались также в различных антологиях и литературных журналах. Опубликовал множество научных статей о творчестве Батюшкова, Случевского, Баратынского, Фета, В.Розанова, Кузмина, А.Блока, Андрея Белого, Велемира Хлебникова, Осипа Мандельштама, Анны Ахматовой, Марины Цветаевой, Б.Пастернака, Георгия Иванова и многих других.

Автор книги «Константин Леонтьев: жизнь и творчество» (Берн, 1974).

Автобиографическая поэма Иваска «Играющий человек: Homo Ludens» была напечатана в русском журнале «Возрождение» (Париж, Nos. 240–242) в 1973 г. Напоминающая по своему художественному замыслу «Божественную комедию» Данте, Homo Ludens представляет собою цикл лирических септетов, одиссею поэтического вдохновения, magnum opus в творчестве Иваска. Это своеобразный жанр в русской литературе, духовная панорама религиозно-настроенного поэта в художественной форме. Иваск сам определил жанр Homo Ludens как «гимн благодарения». В нем сочетаются не сразу поддающиеся расшифровке философские и литературные намеки, цепь разнородных ассоциаций и образов и «звуковые» сцепления. Все вместе создает впечатление игры, эстетического развлечения, поэтического воображения, наслаждения видами природы, спортом и даже русской крестьянской пищей. Во всех образах поэмы заключена большая жизнеутверждающая сила; в ее разнообразных рифмах – оригинальная динамика. Прихотливая манера повествования в духе нео-барокко отличает текст Homo Ludens. Композиция находится в полном соответствии со структурой окружающего героя мира.

Читатель умышленно вовлекается в игру Homo Ludens, чтобы понять суть поэмы, подразумеваемого в ней суждения поэта о том, что всем нам не хочется быть в аду, но и рая мы не приемлем без присутствия в нем хотя бы крошечной части преисподней. В основу текста

заложены две темы – тема Играющего человека, живущего вне времени в пространстве, и тема рая, существующего одновременно на земле и в небесах. Желание Играющего человека – приблизить человечество, пребывающее в настоящее время в аду, и раю. Не в силах избавить человека от мирового зла, Homo Ludens, однако, может открыть двери в рай.

Homo Ludens – это также поэма о литературе. Поэт вдохновляется впечатлениями, «полученными от чтения произведений искусства и от размышлений над культурой и историей человечества», а также впечатлениями от собственных переживаний и глубоких ощущений. В поэме много материала из жизни самого Иваска – его раннее детство в Москве, юношество в Эстонии, дружба с поэтом Карлом Гершельманом в Таллине, подсказавшим эту тему рая, путешествие в Ригу и встреча с поэтом Игорем Чинновым; посещение знаменитых «воскресений» Мережковских в Париже; разговоры с Зинаидой Гиппиус, с Мариной Цветаевой, Георгием Адамовичем, Владимиром Вейдле; аспирантура в Гамбурге и в Гарварде; последующие поездки в Мексику, Португалию, Испанию, Италию, Францию, Голландию, Швецию и Грецию; встречи с современными поэтами России Бродским и Бобышевым.*

При чтении Homo Ludens особенно бросаются в глаза, стремительность внутреннего движения поэмы, звуковые

---

* Э.Райс. «Ю.Иваск, Играющий человек. Homo Ludens», *Возрождение* (Париж, 1973), № 240, стр. 7.

эффекты, удачные остроты, яркая мозаика образов, поток личных ассоциаций, шутливая и диссонирующая звуковая инструментовка поэмы, дразнящие половинчатые рифмы, фантастические образы и частые переносы слова в строке. Своеобразие поэтического вдохновения и изображение преломления литературы и литературных взаимоотношений в личной жизни автора свидетельствуют об оригинальности его таланта и о его глубокой всесторонней культуре.

Темира Пахмусс
Иллинойский университет

Неба нет и не будет вовек
Пока мир весь в него не войдет.

Александр Добролюбов

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

В игру входили галки, телки, елки
И нечто вроде суслика: байбак.
Еще таинственные кривотолки:
Отъявленный затейливый дурак,
Вуали я музеями упрямо
Именовал и из Мадапалама
Была Мадама Маргаритка Рок.

Вуали легкие на нежной шее
Зыбятся: муза, музыка, зефир.
Но я, безграмотный, твержу: музеи!
Фантазии и рвотный рыбий жир.
Награда мученику сбитый моголь,
А на бульваре вислоносый Гоголь
И запускается воздушный шар.

Замедленные клячи катафалки
С Арбата к Афанасию везли.
С креста на Гоголя слетали галки.
Преступно-траурные ризы и
Роскошно-страшные, бесстыже белы
Покровы, перья: серебра и мела
Позор... а все-таки картинка для...

(Те батюшки, брадатые, манили:
– А ну-ка, отроче, ау! Айда
На столик, и они уже кадили,
Гнусавили, а я: я изо льда,
Расту, вспухая глыбами, громада.
Растаял и проснулся у лампады,
Где Боженька: приподнятая длань).

Картинка для игры: без промедленья
Байбак укладывается в картон,
И, предводительствуя *хороненье*,
Помчался белый затрубивший слон.
– Не надо, выговаривала мама.
А нянюшка: – Не оберешься сраму!
А Фрелина с Мадамой: noin и non!

Суханово: блаженно-резвы телки,
Задравшие пахучие хвосты.
На мельнице обрызгали осколки
Стеклянной низвергаемой воды.
На съемке синема (еще молчанки):
Змеею шаль у бешеной цыганки,
Выносится шампанское-во-льду.

За нею тенью или привиденьем
Прозрачный граф: огромные глаза...
Угадываю я моим оленьим
Сердебиением: оттуда, за,
Из-за волшебно-милое иное,
Не зная, не предчувствуя, какое...
Из связки мне не хочется назад.

Благополучно царствующий синий
И щедрый Юлий неужели тлен?
Волконские Суханова: княгини
И князь играли с нашими в хункен.
Я, Ея тоже: милая сестрица
Двоюродная... Снятся лица, лица,
Венерина беседка, липа, клен.

Все умерли. Не умирают игры.
Еще мы в короли и в дурачки.
Но злили пчелы-львы и осы-тигры,
А Августа дары: боровики
(Особенно подземные малютки).
Но вечера неумолимо жутки:
Сова-упырь кричала натощак.

Большой. Босой. Разорвана рубашка:
Из *Капитанской дочки* Пугачев.
Волк: у! А я не вроде ли барашка...
(Не песенка, а блеянье без слов).
– Что, испужался? Нежная издевка
(Уже намыливается веревка...
Россию разыграю, проиграв:

Увы, едва четырнадцатилетья –
Москвы и подмосковий четырех...
Не прошлое, вневременное ведь я
В игру: огромный выдох, а не вздох).
Наведывается офеня: ловок,
Эйнемы, Абрикосовы бок-о-бок,
Откладывается расейский страх

Наследственный, от бабушки Живаго:
Мерещился ей всюду Робеспьер,
Неуловимый, скрытый под сермягой.
Его найдет и воцарит эсер!
Неописуемая заворошка
Предчувствуется: из окошка
Выбрасывается старуха, сор.

Рисующий в Суханове под елью
(Рейсфедер и таинственная тушь),
Был дядя Нестор избранной моделью –
Медалью: график и ученый муж,
Гляжу, от восхищения немея,
Он склеивает из бумаги змея
Воздушного и запускает: ишь!

Затейливый, а умер от чахотки.
Все умерли и я не назову
Любимейших. Они безмолвно кротки.
Увы, не выбранят уже: ау!
Еще скриплю, выдумываю, каюсь,
Горючими слезами обливаясь.
La-la! Лю-ли! А в эпилоге: У!

У Минина-Пожарского жаровни.
Ковры, бухарцы, вербы, мужики.
Гремела музыка. Скрипели дровни.
Морские жители, платки, гудки.
– Гляди, перевернулся глупый Ванька
– И встал, оскалился, смеется: Встанька!
Таков и я, затейливый дурак.

А если вздох ох-ох! – Огромный выдох
Ее, Цветаевой... и не померк –
Ли звезды (очи ночи). Мерзлый воздух.
Взрывается, сверкая, фейерверк.
А те, блаженнейшие, Мандельштама,
Те выдохи: божественная гамма
Псалтири... Сразу подавляю вздох.

А что попроще тоже драгоценно:
Поганки, мушки, мошки, лопухи.
Сучки-задоринки, серьё вселенной
В игре, и складываются стихи.
Но с горя заплясала обезьянка.
Глаза слезятся. Кашляла шарманка.
Играющие, не забудьте их.

Не выбросили бабушку из дому,
Ее не стало в девятьсот осьмом.
Свидетелями были мы погрому,
Который наречется Октябрем.
Сбываются пророчества о Воре.
У Гоголя сраженье. В коридоре
Играли, выжидая мы, в рич-рач.

– Кто выиграл? Чернорабочий или
– Крестьянин? Оболгавший лысый Вор,
– И не в рубахе, в пиджачке. Растлили
– Россию! Выставили на позор.
Шептали *наши*: юнкера, буржуи,
А вши и одесную, и ошую
Покусывали, предвкушая пир.

Не для поэзии лихие беды.
Уже не выдох и не вздох, а крик.
– Что прошлое: татары, ляхи, шведы,
– Что разгоняющий казачий рык,
– Рылеевы в петле, на Волге голод...
Пронизывающий полярный холод:
Десятилетия-века Чеки.

Не продавали и не погибали,
Но верно продали, погибли бы
На родине. Но голубые дали
Сияли за границами судьбы.
Иллюзия: неведомые страны?
Не званы... Свечи белые: каштаны.
Ливония. Свинина. Сытый быт.

Гимназия, как будто по старинке:
Преподавали Крыса, Ананас.
Стихи: *По вечерам...* (на вечеринке)
Над ресторанами... Пророк и Влас.
Сурдинка музы. Бормотали, выли
До умопомрачения. Любили:
О, неизвестно что! Туманы? Высь?

С друзьями зачастую (или с Блоком
И Достоевским), изойдя из тьмы,
О вечном, о неясном, о высоком
Ночами белыми мечтали мы.
Что: незамеченное поколенье,*
Отмеченное лирикой и ленью?
Зыбятся: получувство, полумысль.

Но *боратынское* седое море,
Дебелой чайки хищная тоска.
Солено-солнечно, и на просторе
Показывается издалека
Земля Суоми, а не России.
Поэзия: слова голосовые,
Уводите, отводите куда?

* «Незамеченное поколение»: книга Владимира Варшавского.

Приятели мои: триумвирата!
В потенции: актер и адмирал.
А эмиграция, увы, не таровата...
Но кажется мне: я не проиграл.
Ивановскими вечерами сходки,
Стихи и смехи, четвертушка водки.
Мистические светлячки. Каштан.

На кладбище (с могилами баронов)
Разыгрывался Эдгар-Аллан-По.
Пугали имитациями стонов
И называли: краю-бездны-по.
Соловушки свистали: невилички.
Под утро уплывали на кулички,
Морской зарей заканчивая пир.

На улицы, на Философской, споры.
Пустые комнаты. Холодный чай.
Звезда какая точкою опоры,
И строки блоковские невзначай.
Туг-на-ухо провинциальный город*.
Пророки где, которые за ворот
И ввысь, Исайей глухо рокоча.

С цепи судьбы сорвался Анатолий:
Куда-откуда несся филосо́ф?
Из моря музыки, на вольной воле
Сияния-биения стихов.
Не налегке, как мы и без подвоху,
На плечи узкие он рысь-эпоху
Закинул, Улюлюканье стихий.

* Университетский Юрьев-Дерпт-Тарту.

Наслушался его я нагоняев
За болтовню пустую... Белый, Блок,
Беседовавший в Ревеле Бердяев
(С обоими)... Чего еще бы в прок?
Императивы Канта, пятилетки,
Зеленые обрызнувшие ветки
В котомку странническую и: вверх!

Не на небо, а в небоскребы жизни,
На вызовы-звонки в Двадцатый Век.
Глаза выпучивая, ну-ка, вызнай
Что-почему, не прекращая бег.
Ревмя гудки индустриализаций
И революций... Как же: *не казаться,*
А быть, и чтобы человеку Бог

Приоткрывался... и уже несется
По Вышгороду в университет.
В котомке шевелятся: Фихте, Лотце?
Коген? (и будто бы als ob ответ).
Еще каштаны, готика Руины,
Старухи-немки или соловьиный
Из белой ночи явленный поэт.

Года двадцатые. Мы молодые:
И мускулы и мысли (силы!), но
С другими обивая мостовые
(Стихами, сапогами) заодно,
Я всуе путался, разиня, рохля.
Ростки, едва зазеленевши, сохли...
Поскрипывали половицей дни.

Метафизические потасовки
Его бунтовщиков, его шутов
Влекли: и неприкаянный, неловкий
Айда! Фью-фью! На донья кабаков
Версилова, Лебядкина, Ивана!
Куда: в Содомы ли, к Мадонне званы?
Не ведаю. Но, падая, звени!

Ввверх ухали какие-то тормашки...
А ну-ка, Грушенька, еще спляши!
А барышня Барашкова бумажки*
Рогожинские жги! Ой, хороши!
О, игры *достоевские*: рулетка!
На волю вырываемся из клетки...
А если Бога нету: пистолет

Кириллова.

* Лебедев: – ...А Настасья Филипповна есть Барашкова.

Скуластый. Строен. А́-и́-а́ фальцетом:
Достать чернил и плакать...
Акать-а!*
Давно: столетия тридцатым летом
Нежнейшая блаженная весна.
А звали Германом его: волжанин.
Генеалогия: *на стрежень...* Разин.
На волю... И вернулся на Восток.

Два-три письма: «Работа в Детмузее..»
«Вчера у Пастернака побывал»
Молчанье, означавшее взашеи...
Мерещится мне Беломорканал?
Пропал, а пропадали миллионы.
Забыли или не забыли стоны?
Что игры, если раздается стон!

* Из стихов Пастернака.

Чушь... шиш! Но тоже были игроками
Те жертвы торжествующего зла,
И друга, стертого большевиками,
Во время оно ерунда влекла:
Он упивался звуковой рулеткой,
И, выдыхая всей грудною клеткой,
Бросал из Пастернака золотой.

Зима. Роскошно взбитые уборы.
По назначению я еду в явь:
В мои невымышленные Печоры
(Послушно голосу рассудка вняв).
Я воплотился. Я чинуша-сошка.
Старательный, но и не без оплошки.
Занятие: наследственный налог.

Я сожалею: огурцами взятки,
Подсолнухами даже не бирал.
Иные скушно-честные порядки!
Мне нравится лукавый ритуал
Кувшино-рылый... (Гоголя гротески:
Они затейливые, и не резки,
Фантазии «хохлацкая» игра).

Русоволосые, голубоглазы
Колеблемые ласковые льны:
Родимые, русейшие, и сразу
Я снова дома, и у тишины,
Робея по ребячески, учусь.
Что зн. ю, и зачем играю, Русь?
Я пустомеля. Ты же возродись!

(И возродится белая, льняная
За пазухой у Спаса, но в миру...
Тысячелетняя, а молодая,
Играя радуется на пиру.
Грибки и прочие лесные яства.
Розарий благоглупости и братства.
Из рая отзываются: ау!)

А яканье: и я, Егор, Яхором
Зовусь. А цоканье: «Его охрел
Пясоциной!» У озера гуторим,
Где пролетали тыщи-тьмищи стрел:
Обороняли Городище Трувор
И псковский Всеволод. Еще не вымер
Изборск, не город, а село.

Жгли губы жаждущего те же
В ольшаннике Словенские ключи,
Подземно чистые, морозно свежи:
Струю заглатывая их, урчи!
Благословенна радость утолений
Водой: еще библейские олени
Пророка умудряли у ручья.

Я в слободе живу, где спозаранку:
Мму-мму! Бблэ-бблэ! Кукареку! Бомм-
бомм!
Зевая, покидаю я лежанку,
Бревенчатый благоприятный дом.
К обеду водочка, снитки, груздочки,
Окорока, а в воскресенье почки,
Блаженны тающие пирожки.

– Яхору Палычу почтенье: нынче
– Пойдете на покойника взглянуть?
(Увольте, я не Леонардо Винчи,
Не мне зарисовать и резануть...)
А свадьбы! Щупающие старухи:
– Изъянцу нету ли у молодухи?
Ребята: Девка ли? Ха-ха, хи-хи?

Что: ахти тошненько? А есть иное:
Хотя бы Батя, волостной писец.
Не балуя, не ведая покоя,
Он братца в люди вывел, наконец:
В учителя, из университета.
Сестрицу выдал, а жениться: – Нету!
Посмеивается, ибо мудрец.

Еще актер, отличнейший рассказчик:
«Факт налицо, отец Евлампий пьет!
На морду марку и в почтовый ящик...»
– Сказал игумен Епифаний... Вот:
– Не справедливее ли Соломона?
Крепчайший чай, два ломтика лимона
И бровь одну приподымает он.

Выстаивает у обедни ранней,
Когда монахи густо в унисон,
Поют, и умиренная, в осанне,
Душа горé, и колокольный звон.
Образовали бы Россию Бати,
Мещанами клеймимые некстати.
Поймите, им бы только не мешать.

В монастыре: из глиняного теста
Николы Ратна вылепленный храм.
Намолено столетиями место.
Добры дубы, разросшиеся там.
Дорический ампир. Еще барокко
Затейливое. За стеной высокой
Во всю развертывается простор.

Весной цикады цокали, медведки,
Наверно подражая псковицам.
Я таю, но царапаются ветки...
Позднеи: разостланные по лугам
Смердели льны осенние. Вдыхаю
Кислоты уксусные, замирая,
И силу набираю для игры.

. . . .

Изборская земля гипербореев
На рубеже Ливонии, Литвы.
Широко улыбается Андреев:
Он щедро черпает из ендовы
Минувшего... Угрюмый зоркий Зуров*:
Кургану не укрыться от прищуров
Его. О, до чего узкоголов!

Как будто бы из племени Всеслава:
Он оборотень, отощавший волк.
Но поредела древняя дубрава:
Где князя Полоцкого вещий полк?
А оба поработали на славу,
Едва закончили свою облаву,
И голос отдаленный не умолк.

. . . .

* В конце 30-х гг. в Печорский край наезжали историк Николай Ефремович Андреев и писатель Леонид Федорович Зуров.

Поехал я к поэту в гости. Рига.
Невой расширившаяся Двина.
Поэзия замедленного мига:
Со мной немилостивая она...
С иголочки одетый. Чашка чаю.
Манеры правоведа. Чую-чаю:
У Чиннова победное очко.

Те сумеречные и жемчугами
Мерцающие в полусне стихи,
Нездешне-нежные, любимы нами:
И перешептываются – легки...
Зеленый tweed и Моисея пламя:
Не купина, а галстук (или знамя?).
Уже тридцатилетние друзья.

По рассмотрению, веселый малый:
Уж не из Хлебникова ли смехач?
Ночами Вопленица наставляла
Его (из Анненского): — Чаще плачь!
Утешился бы с пушкинской Резвушкой*:
Быть Игорю (ей-ей) ее игрушкой!
Кукушка меланхолии: куш-куш.
. . . .

А кто Играющего человека
Давно мне подсказал и Рай-игру
Сегодняшнего-будущего века?
Я драгоценный ларчик отопру,
Где рукописи Карла Гершельмана**,
И старой дружбы вешние каштаны
Десятилетия тому назад

* Муза-Резвушка («Домик в Коломне»).

** Карл Карлович Гершельман (1899-1951), поэт, художник-график. С ним и с его женой встречались в Немме, под Ревелем, и позднее в баварском Эйхштедте.

И нынче резедовыми свечами
Нас изумят опять... О, нету слухов
От Вас, я знаю: живы за горами
Баварскими... Не Карл, а Пьер Безухов:
Дитя огромное и раежитель.
Вы строите не тихую обитель,
А карусели, цирки, казино

Веселой силою воображенья...
А снова посидел бы я втроем
С субботы, помните, до воскресенья
Почти, во время оно, за столом.
Метели выли за двойною рамой
И бредила Валгалла Мандельштама
Италией: туда бы тоже нам!

Грибки, евангельские рыбки, водка
И рай графический блаженно-пестр.
Нечаянная радость и находка:
Цвета ли, звуки? Разве Время: монстр?
Минувшее сейчас: и в, белое одета,
Нам улыбается Елисавета,
Которой из Америки привет

Я шлю...

Берлина хищное обличье: волчье,
И именуется оно ЭС-ЭС.
Но Фульда – Рим, и Бонифаций –
ловчий*
Души германской, а собора лес
Готический, где прогремело слово
Священника: Что раса? Та же снова
Спасителя пролившаяся кровь!

Другая в Базеле Елисавета:
Русейшая! Пекутся пироги...
И аканье московского привета!
Заплачки, шутки, прибаутки и
Припевы свадебные зазвучали.
Ее Руси заголубели дали
И мирно распиваются чаи**.

* Первое путешествие на Запад в конце 1938 г. В католической фульде – рака Св.Бонифация, просветителя Германии.

** Гостеприимный дом Елизаветы Эдуардовны Малер (1881-1970) в Базеле. Знаток фольклора, издала книги о заплачках и о свадебных обрядах Печорского края.

Сугробы неожиданны в Париже
И серебрится гробовой глазет.
У Зинаиды Николавны рыжий
Парик и разыскательный лорнет*.
Гляжу во все глаза, запоминаю
И знаю: Вы далекая, иная,
Вы любите чего на свете нет.

Картаво-грозное его явленье
И возведение горе очей:
– Госсия гибель или воскгесенье?
Слова... но из каких-то эмпирей
Негромкий звук, неясное сиянье...
Рассеевшееся воспоминанье
Души... Уже у Ремизовых я.

* У Мережковских.

Метафора: закутанная в тряпки
Процентщица Раскольникова иль
Диковинка, кикимора, куйбабка,
Царапница. щипальница, и хиль!*
Хитрит, играя лицемерно в прятки:
Ущербленный, замысловатый, хваткий.
Но райский голос: юдо, а не гниль!

Зеленолицые на Монпарнасе:
Червинская, Варшавский или Кнут.
Гарсоны им до утреннего часу
Горячий черный кофе подают.
Не мысли и не чувства, а оттенки
Чего-то, и тщедушные оценки
По совести... Кружковый самосуд.

* Куйбабка, царапница, щипальница, хиль: два из этих слова обрящете у Даля, одно выдумано, одно – неологизм, но не чрезмерный.

Затравленная гордая Марина
Цветаева, а все еще: порыв!
За мужа беспокоится, за сына
И, в жизни ничего не различив
(Она невероятно близорука),
Протягивала Мандельштаму руку,
А ей свою ручищу русский рок.

– Мне-ни-ког-да-ни-до-че-го...стучала
По столику спондейно, – кро-ме-них:
– Сти-хов! Еще: во что бы то ни стало
Давай ей небожителей одних!
Движенья: птичьи. Острыми углами:
Неловкие. Оступится и в яме
Очутится. Крылатый только ямб

И быстрый паузник...

Безукоризненный пробор: Иванов
Георгий. Горбоносый. Мокрый рот.
Не до стихов ему, не до обманов,
Но музыка высоко вознесет
И с Андромеды, Ориона: в слякоть!
– Я замарался, но не буду плакать...
Заглатывая лососину, пьет

Шипучее...

ОТТОН III

Они шумят, германские дубы,
В их шорохе он слышит укоризну:
Оттон, ты позабыл свою отчизну
И в бегство обратился от судьбы.
Его влекла таинственная быль
Языческого кесарского Рима:
На Капитолии вся обозрима
Вселенная, и драгоценна пыль.

А саксы, что медведи, косолапы,
И кто косматую, кто вспомнит мощь
Среди лимонных италийских рощ?

Глаза блестят у молодого папы
В мечтах они, и их измену вновь,
Изгнанник беспокойный, славословь!

Этот сонет, написанный в 1935 г., – эпиграф к стихам об этом императоре.

Невероятный зыбкий третий Отто*,
Мечтаньями моими одержим!
Роптали саксы: – Резями и рвотой
– Замучил обманувший мертвый Рим,
– И разве пальмы, пинии деревья?
Тиары Персии павлиньи перья
Пестрели опахалами над ним.

– Я Август и, немедля, по-латыни,
– По-эллински и по-еврейски вы
– Меня и Папу прославляйте ныне!
Обломки мрамора, пучки травы
На Авентине. Паутина козней...
Какой он Отто: ранний или поздний?
Не выбросить его из головы.

* Император Отто III (980-1002) из саксонской династии. Данные о нем почерпнуты из книги Фердинанда Грегоровиуса «История Рима в Средние века». Позднее Перси Эрнст Шрамм рассеял романтическую дымку, окутывавшую кесаря-юношу.

Венцы: их десять. Или власяница:
Рыдая ползает у ног его,
Святого старца: – Если бы смириться!
– Что слава Кесарева? Естество:
– Змеино-злое! Вырывайте жало
– Греха! О, почему мне жизни мало?
Но древний Нил ему не отвечал*.

Далекая Германия не к спеху!
У юноши лицо, у старца лик.
Влекли святые: чешскому Войтеху**
На острове базилику воздвиг.
Задворки обветшалой Тибурины:
В окне старушка, кошка. Дымный-дынный
Закат, и я с платанами один.

* Св. Нил Россанский (910-1004), калабрийский грек, основатель католического монастыря греческого обряда в Гроттаферрата.

** На месте базилики Св. Адальберта-Войтеха на Тибурине построена церковь Св. Варфоломея.

Все те же: внутреннего совершенства
И мироустроения пути.
Поэзия: случайное блаженство,
Но с острова не хочется уйти.
Давно: лежанка или льны Псковщины,
Где я мечтал и маялся: с повинной
К Успению тянулся, блудный сын.

– Помилуй мя, умученный Корнилий!*
Безмолствовала рака и сонет
Я накропал Оттону! Только сны ли
Досужие? Лампада, рдяный свет
И это незаслуженное чудо,
Которое в раю не позабуду:
Я выжил из войны. Еще я тут.

* Успенская церковь в Печорском монастыре. Игумен этой обители преп. Корнилий был, по преданию, убит Иваном Грозным.

Война не для поэзии... Апломбы
Каких-то Усиков. Еще Усищ.
Священную Европу им на слом бы!
Рабами щегольнувшие Хрыч, Хлыщ...
Бориса Новосадова словами*
Бичую бьющими: «вождей вожжами!»
Короче не сказал бы Ювенал.

. . . .

У Сына Иезекииль, Исайя,
Иеремия, Илия, Давид!
И знаю я, грядущее читая,
Еврея Галилея обратит.
Обетование святого храма:
Поэзия святого Мандельштама...
Вы христиане тут и там!

* Борис Новосадов (Тагго), поэт, умер в советской тюрьме в Ревеле (1907-1945).

Его амбары: светлые соборы...
Возрадуйся Эллин, Иудей!
К чему ветхозаветные раздоры?
Все званые уже: вино разлей
И хлебы преломи. Волы жевали
И ласточки легчайшие летали.
Гудели пчелы. Тучная земля*.

Магометане те же христиане,
Блаженнейшие дервиши, Хайям,
И Будда не в никчемнейшей Нирване:
Уже ничком, уже к Его ногам.
Прекраснейшие, и без проволочки,
Лазоревые, алые цветочки
Христовы снова: В Е Р Ы (а не вер).

* Образы из поэзии Осипа Мандельштама.

Приятельница: имя Кикидора.
Вовлечена в семейную игру.
Милуемся ли, ссоримся: умора!
Но раевые мы, и на юру...
Едва забудемся: и мотыльками
Туда-сюда... Не крыльями, стихами
Взмахнув, обозревали рай.

Гонимые, годами голодали,
И на касторке черные блины
Из гущи из кофейной, выпекали:
Поевши, были втрое голодны.
Но яблоки за Эльбой покупали
И продавали. Что-то наживали,
Но зря... А выжили: ошметки, шваль!

Еще сияние земного солнца
Хотя и нету на растопку дров.
Хорошая компания: Саксонца
(Принц Альтенбургский и антропософ),
Кавказца (волхв и отставной полковник)...
Такие же голодные. Коровник –
Мечта: из вымени бы молочка!

Товарищи: высокий Иподьякон,
Румяный Лат, отчаянный Барон...
Послевоенный мир еще заплакан,
Но в Гамбурге мне улыбнулся он.
Кишело спекулянтами Санкт-Паули,
Где за сто сигарету продавали,
А Эльбы своевольная волна

У склепа Клопштока траву поила...
На т ы с созвездиями: Waage, du!*
Лирического старца мышца, жила,
Грудная клетка, сердце-солнце: дуй!
Труба серебряная рокотала...
Что наша голодовка! Хлеба мало,
А Бога много. Выдыхаю: да!

Благоприятные космополиты:
Хольтхузены, ганзейская семья.
Врачи, языковеды: даровиты,
И университетская скамья
Одна делима нами, Hans (Johannes)!
Читали Хельдерлина, приосанясь.
Младенческую чепуху несли.

* Waage, du auch... Dem Unendlichen.

А. Моршена окрепшие напевы:
Сорвавшаяся с Киева душа...
Некрасовские праведные гневы!
Единственная все же хороша
Жизнь очевидная, но с чудесами,
И по небу крылами-плавниками,
Кефалями-мокрелями: лети!

На съезде в Лимбурге приятный Марков:
Душа в глазах и острый язычок.
Ему кажусь, увы, из перестарков:
Как будто бы я высохший цветок
Тринадцатого года. Одностроки
Напишет он, отодвигая сроки
Поэмы третьей: оттого ли строг?

. . . .

В открытую Америку скитальцы
Тащили отощавшие мяса.
Нью-Йорка оттопыренные пальцы
Скребли замызганные небеса.
Грязца, возня бродячего Бродвея,
Который уносился к черту, вея
Зловониями, и увеселял.

Бензинно-едко. Саксофоны: лиры,
Неистовые, Африки. Неон.
Но Богу молятся Италы, Иры
(Тремя спасется новый Вавилон).
Хотя бы мафиозы, фараоны:
Почти что черти, но и чертогоны.
Утрами католический трезвон.

Увешанную долларами Деву,
Мадонну сицилийскую, несла
Братва обугленная. Знамя слева:
Ключи, тиара. Римского посла
Багрец и кружевцы. Звенели хоры
Мальчишеские. Черной бабки взоры
Слеза туманила. Италия жила.

Ирландия Патрикиевна тоже.
Смеется у собора кардинал:
Круглоголовый. Ражи, рыжерожи
Его молодчики. Оркестр играл
Громово. Ленты зеленели ярко
Весело-вешнего парада-парка:
Не Вавилон оримленный Нью-Йорк.

Спасли свои потрепанные шкуры!
Что заработали с ладони в рот.
Даю уроки, правлю корректуры,
На фабрике подруга сумки шьет.
Еще: до океана уводили
Меня прямые мчащиеся мили.
Еще Георгия Петровича приход.

Слегка скуластое лицо, бородка,
А очи: хлынувшая синева
Разгневанного духа или кроткой
Души и еле слышные слова,
Медовые, с горчинкой: златоуста.
Подавленные вздохи: «грустно...
пусто...»
И *Командора* Блока он опять

Читает нам, изнемогая: – Анна!
За ней! Что каторга и что костер!
Но Анна мертвая, а есть осанна,
Сияющая, братьев и сестер.
Две тени: Фондаминский, мать
Мария*,
А из грядущего его Россия,
И не утопия, а Новый Град.

* Георгий Петрович Федотов (1886-1951). Его друзья Илья Исидорович Фондаминский-Бунаков и мать Мария (урожд. Пиленко). Оба они были сожжены нацистами. Все сотрудничали в журнале «Новый Град» (1931-1939).

Строй накануне смерти и бессмертья,
И не откладывая, а сейчас.
Таинственная, утренняя, третья
Земля уже рождается для нас.
И с юношей Гонзагой быстрый мячик*
Подбрасывайте, девочка ли, мальчик...
Прочь, страх! Строй Град! Рай игр!
Что смерть? Есть жизнь!

* Св.Людовик (Алоисий) Гонзага (1568-1591), иезуит. Г.П.Федотов упоминает о нем в очерке «Эсхатология и культура». Основная мысль этой статьи: «...живи так, как если бы ты был бессмертен (...) работай так, как будто история никогда не кончится, и в то же время так, как если бы кончилась сегодня». «Ничто подлинное в этом мире не пропадает. Культура воскреснет, подобно истлевшему телу, во славе. Тогда все наши фрагментарные достижения и приблизительные истины, все несовершенные удачи найдут место, сложившись, как камни, в стены Вечного Града». Может быть, эта гипотеза Г.П.Федотова - вариант учения Оригена, Св. Григория Нисского и др. об апокатастасисе, о восстановлении и о всеобщем спасении в Царстве Божием. Уповаю: есть земля на небе, в вечности.

За комментарии меня простите,
За маньеризм и за галиматью!
Причудливые узловаты нити
Поэмки лично преданного Ю.
А лучше бы в кофейне на Бродвее
Явились и, из Блока голубея,
Порадовали тихой речью Вы.

Ему бы воздуху: охапку, тонны!
И самой деревенской тишины:
Пруд, утки, ивы линией наклонной,
Вдали едва колеблемые льны.
Гамак и Гёте. Мирная беседа.
Закат. Агапе позднего обеда
И сразу утро раннее в раю.

Друзья из Готики и Ренессанса:
Мирандола, Петрарка, Абеляр.
Флоренция ли, Шартр: а ну, останься!
И остаются, и никто не стар,
А юн, и льняно-ладно совместимы
Ассизский, Радонежский, с теми, с ними:
И ивы, утки, те же гамаки.

Но уводили мчащиеся мили...
Радение в Гарлеме: God–God–God!
Выплясывали негры и вопили,
Из ада в рай там-тамя: isn't odd?
На Парковой галунные швейцары,
Китай-города тайные товары,
На Бауэри бродяги, бред, угар.

А на Стенной чугунные утесы:
Капитализма твердь. Едва видна
В разрезе Троица: Светило косо,
Глядело и не озаряло дна
Ущелья. Хищно верещала чайка
В порту. А ну, попробуй, разыграй-ка
Отталкивающий, но и влекущий Град!

. . . .

Языкознание учу. Пудами
Ученнейший чижевский якобсон
Наваливается. Кряхчу годами:
Академический тяжелый сон*.
Но и благословенные досуги
В хорошем обществе друзей, подруги,
Платанов, ясеней. Еще: стихов.

* Гарвардский университет в Кембридже.

А диссертацию в одну годину
О князе Вяземском я написал,
И весело, легко сгибая спину,
Одолеваю мой материал.
Дотошный нравится формоанализ:
Поэзии исследуется завязь,
Лады, слова, в особенности, звук.

Тяни: *Скотинины – чета седая...*
Лелей: *Налево ляжет ли валет...*
Стихи забавные, а звуки: стая
Таинственная... Чудо или бред?
И колокольчиками Дарвалдая
Звенела проза, улетая-тая
Далеко... Тройка Троице: дай рай!

У Вейнтрауба я изучаю польский...
Романтики навязчивы, увы...
А нервы Норвида змеино-скользки...
Предпочитаете барокко вы!
Люблю Коховского, его Орфея:
Tanszyey gory, lasy, lwy, радея!
Шипи, гнуси с поляками: пой-пей!

Затейливый сияющий Набоков,
Убийца Достоевского, игрок:
Но не азартный. Гоголь у истоков:
Играющий словами. Хитрый слог
С ходами шахматными: чемпионный!
А если бабочка: неугомонный
Одиннадцатилетний мальчик он.

. . . .

Колониально-истово-старинно!
Колонно: деревянный классицизм.
Платаны у реки. Аллеей длинной
Иду я восвояси, валко из:
Войны недавней. Млею, молодея...
Выпячиваю челюсти, спондеи
Едва выдавливая: Yeats\ Keats\ Donne.

Знакомы: *Осень* или *Византия**
Но озадачило барокко их:
Могучего гремучего витии
Божественный похабный хриплый стих.
Блоха любви и музыка *Коль славен!*
Его заранее надетый саван
И громы-молнии: о, смерть, умри!**

* Yeats: Sailing to Byzantium. Keats: To Autumn.

** John Donne:
This Flea is you and I...
I shall be made the Musique...
Death, thou shalt die...

Религия-игра-затея: J–e–s–u...
I ease you... and is Jesu: Иисус.
Мелодия: ай-эи-ю, ай-и-ю.*
Порхая с Гербертом я унесусь
С землицы на небо. Обратно тоже!
Дитя и бабочка блаженны, Боже!
И сбрасывается излишний груз.

* George Herbert:
And first I found the corner where was I,
After where ES, and next where U was grav'd.
. . . .
I sat me down to spell them, and perceiv'd
That to my broken heart he was I ease you.
And to my whole is *Jesu*.

А Крашо: крошка-душка, но не святка...
Ау: фантазиями зазвени!
Его сверкали розовые пятки,
Лазоревые озаряя Дни
Поэзии: Терезы, Магдалины,
Зеленые английские долины...
Цикады, цветики, цимбалы, даль*

Метафизическая, золотая...
О, не юродивый, изящный шут
Барочного играющего рая
(Его едва ли русские поймут),
И из Уэльса мелодичный Воэн
Слуга фантазии, но не фриволен...
Все четверо меня учили вы.

* Richard Crashaw:
Or You, more noble Architects of
Intellectual Noise,
Cymbals of Heav'n...

Немолодая бешеная дева:
Лицо луной и углями глаза.
Гусиное перо скрипело. Слева:
Окно. Другое справа. И из-за
Шиповника, боярышника, клена
(Всего животрепещущего лона):
*Сияющий отсутствующий Он**.

К Нему! По мостовой ее стаккато
Прогромыхало тыщями колес**.
Таинственная щедрая растрата
Души скакнувшей. Затрещала ось...
На кладбищс открытая могила.
Но пала смерть, а не она и взвило
Ликующую барышню: is beiss.

* I tend my flowers for thee –
Bright Absentee!
** The carriage hold but just Ourselves –
And Immortality.

Еще ее июль. Отрада сада.
На розе-глобусе: пчела. *Псалом**:
Чириканье. Ей большего не надо:
Вне времени медовый окоем.
Землею ныне небеса наполним:
Уже наполнили! И стала *полднем***
Его: и, замирая, по волнам
Июля-рая поплыла...
(Emily Dickinson)

Сыны и дочери степей Канзаса:
Перо склоняется, а не пальто!
Для развлечения точу балясы
И о литературе кое-что
Рассказываю. Бьются в лихорадке
Студенты: *достоевские* загадки
Замучили, но нравится им ад

* Globe Roses... Psalteries of
Summer...

** Myself - be Noon to Him.

И рай неистового карнавала –
Скандала девки, барыни, купца,
Студента, старца, черта, генерала,
Любого действующего лица:
Задиры-мученика! А на Пасху
Я в Мексику айда! Но только маску
Ее таинственную увидал.

Мелькнули козы, кактусы, сомбреро,
Базары, грифы, пропасти, кресты.
Загадкой пестро-праздничная вера
И суеверия: что знаешь т ы
Об этом или об игре в молчанку,
Не выворачивая наизнанку
Души... Неперекинуты мосты

Еще. Семижды ездил я к ацтекам
И сапотекам. Или в Юкатан.
Их храмины я показал бы грекам,
А апокалипсис их Иоанн
Истолковал бы. Мексика: чревата.
А ну-как землю, перистый глашатай*,
Сосватай небу! Замкнуты уста.

Риторика! А покопаться: проще!
Старуха внучку нежно на горшок
Сажает. Охнули живые мощи
Безногого. Живительный глоток
Текилы жирноватой, с горстью соли.
Но с ними ангелы... Кабы не волю
И вдоволь, а не слезы, не юдоль.

* Пернатый Змий: Кетцакоатль, уже не бог, а только дух. Родила его мексиканская суха-земля.

Окаменели старики, старухи.
Клюки и клювы человекоптиц
Ацтекии. Их облепили духи
(Не мухи видимые). Время: цыц!
Врываются воскресшие младенцы:
Уже выкидывается коленце...
Ее сияние – ее Лица:

Царица-Тонанцинтла благодати!*
И выпрямляются года-горбы.
Приветствуются свыше: сестро, брате!
Ау-у: Азъ упокою вы**.
Сверкнули ангелы: они игручи!
Щебечут и щекочат. Эй, на кручи:
Игре эоны-звоны, а не час.

* Тонанцинтла: матушка по-ацтекски. Селение около Пуэблы.
** Азъ: Аз(о). Два слога.

Семейство кактусовое страдальцев:
Расти топорщиться несладко им.
Гляжу на пятки с дюжинами пальцев:
Игра природы, трудный маньеризм.
Игра иная: La Valenciana*,
Где ангелы, вопившие *осанна*
Подталкивали: понатужься, мразь!

Даешь еще пригоршнями озону
И привидениями не пугай.
Приволье: развеваются знамена –
Бельишко: радуга и попугай,
Еще благословение: не крышка,
Герани, канарейка, кошка – ишь-ка:
Благодарение и благодать.

* Церковь в Гуанахуато.

ПАМЯТИ ВЯЧЕСЛАВА ИВАНОВА

Уж ты, Раю мой, Раю пресветлый

1-го января 1929 г.

Средиземное место Споторно
За-во-ла-ки-ва-ло пе-ле-ной.
Буря бешеная злоупорно
Перла фурией наперебой...
А из-зá метафизикой, что ли,
Тишина золотится на воле:
Сладкий мед, а не горькая соль.

И угадывается знакомый
Материнский из детства распев
Свете тихий, и сызнова дома,
И ласкается сказочный лев...
Но сверчки закадычно запели,
Неужели в раю, неужели?
По-ка-чи-ва-е-ма-я колыбель.

29-го марта 1972 г.

ГЕОРГИЮ АДАМОВИЧУ

О Лермонтове *Ангела*, о Блоке,
О музыке и о голубизне
Небес: и чтобы никакие сроки,
И чтобы наяву, а не во сне!
Романтика и горькая усмешка,
А развлечение: орел ли решка?
Конечно, проигрыш, а если куш?

Что золото? Но *достоевский* вызов!
Гремело Монте-Карло, а закат
Блаженно-тихий, золотисто-розов:
Таинственный раскинувшийся брат.
Разнообразные беседы. Ницца,
Где умирала тютчевская птица...
Пойдемте на Английский променад.

ВЛАДИМИРУ ВЕЙДЛЕ

Вы Европеец и в Париже дома,
Ласкаемы на Искии волной,
И вам округло рокотало ROMA...
Но из далёка, и наперебой
Журчали жалобные: что же... все же...
Италия без родины: негоже!
А вместе им бы надлежало быть.

Ученые Вы: пчелы Аристея
Вам собирали нектары цветов...*
Да, эрудиция, а и затеи:
Комаринские фу-ты, ну-ты слов –
Словечек... Или же Москвы-просвирни,
Хотя мы в Питере давно всемирней:
Оттуда Вы и обрусили Рим.

* «Пчелы Аристея»: французская книга В.В.Вейдле о европейской литературе.

ОТЦУ АЛЕКСАНДРУ ШМЕМАНУ

Куда-то ехали в тумане лесом,
Соскальзывая влево под откос.
– Но смерти нет! И иерей гермесом:
На девяносто синий самовоз!
Ату костлявую с косой разящей,
И вылетели мы из мглистой чащи:
Вожатый побеждающий вознес

На солнечную горку... Денно-денно,
Не нощно православие его,
Сияющее утренне: вселенной;
Поющее ликуя: А и О*
Псалма Давида, гимна Мандельштама
Во храме мира семо и овамо!
Вы: вылепленные из ничего

Ваятеля хвалите вольно: паки!
Еще застольные о том, о сем
Блаженнейшие *дружеские враки***
Которые стихами и вином
Одушевляемы... Благословите,
Отец и брат! Не осудите прыти
Моей. Я вами издали ведом.

* А и О: альфа и омега.
** Люблю я дружеские враки
И дружеский стакан вина.
«Евгений Онегин»

To WILLIAM TJALSMA

Надежда Яковлевна Bill'а Вилли*
Именовала: до чего он свой!
Поэты бродские его любили
Иглой, туманами, седой Невой.
Ему протягиваю руку: другу,
Поэту! За высокую услугу
Посредническую благодарим.

ЭММАНУИЛУ РАЙСУ

Насчитываю тысячи отметин
Тысячелетий на его лице
Песчаном: явственно ветхозаветен
Сей иудей, О, как он об Отце
Тоскует, испивая едкий оцет,
Который бледная Европа цедит.
Песка и желчи, но и солнца цвет.
Эммануила.

* Надежда Яковлевна Мандельштам.

ВАЛЕРИЮ ПЕРЕЛЕШИНУ

К нирване тянется, но, знойно взбешен,
Бросается на жертву сверху вниз –
Брат ягуара, пумы – Перелешин –
Терзающий ягненка Дионис.
Но арфами эоловыми пели
Ему в лазури неба ариэли,
Подкидывая нежную свирель.

Ноябрь 1977

А.Н.

Щекасто синеокое личище,
И оба благоглупостью горды,
Нагородили вздору... Городище...
Ребяческий акрополь ерунды,
И под руками друга-вертопраха
Гремела музыка дитяти Баха,
И эхо рокотало в небесах.

– А знаешь, у Беато в преисподней
– Ярко-пестро-волшебно: тот же рай!
«Да-да, ему бы надлежало сводней
«Господней быть...» – Иуда, воскресай
– В раю: лазоревый, уже спасенный!
«Эй, облачимся в полотно, виссоны...».
А в Лиссабоне кислое вино

Зеленое... Раздутое бельишко:
Знамена райские... Теки, река!
Ау, средневековые мальчишки,
Треску ворующие у лотка.
Тащите фиги, сорванцы Альфамы,
Спасенные веселием... а храмы
Готические в небе: бомм-бимм-бамм.

Куда еще? На днище Амстердама,
Где рембрандтствующая полумгла,
Где выкрасившиеся полудамы,
Выращивающие розы зла.
А мы селедочку, разымчивое пиво
«Послушай-ка, у Мастера на диво
«Во тьмище свет...» – И, затененный, свят!

«Кто?» – Петр: и если бы он не отрекся,
– Не просиял бы золочёный свет,
– Белесый чуть, и смуглый... «Парадокса:
«Да-да-сияния и полутьмы-нет-нет!»*
Смердели достоевщиной каналы,
Бодлеровщиной скользкие причалы,
И заливало пропастью чернил.

* Рембрандт: Отречение Петра (Амстердам).

«Его или, или, лама... во мраке».
– Но утро, сансеполькровое, вдруг
– Зарозовело: Пьеро!.. «Зодиаки*
«Заката, злого, разомкнули круг».
А дружеские враки ворковали
Уже у Лувра... На Лемане: "Vale!".
– До Новой Англии... "Hallo!" – Але!

* Пьеро делла Франческа: Воскресенье Христово (Сансеполькро).

ИОСИФУ БРОДСКОМУ

И берег меловой уснул над морем

Большая элегия Джону Донну

Мои лисички – те же острова.

Горбунов и Горчаков

... от Рая до параши.

Там же

Города и расстояния отбросив,
Но не глаза, не уши, не язык,
Поговорил бы с Вами я: Иосиф!
Из дыма Амстердам уже возник:
Селедка соблазнит, а не тюльпаны,
И мы в пивную ангелами званы.
Пошли! Рассеивается туман.

В Голландии начнемте тарыбары,
Как будто мы знакомы испокон.
Не апокалипсиса, рая: старый
Профессор я. Еще Анакреон,
Крещеный, правда. Также привередник
Воображения, а Вы наследник,
Из Иоанна Донна полубред,

Из мела Англии, из Горбунова,
Руси лисичек, Темзы и Невы,
Из пемзы, псины, из любого слова
Рай строите, не ведая, что Вы
Строитель: ада сущего вредитель
И у параши даже раежитель.
О, щедрый отщепенец, чтобы жить

Я Амстердаму говорю: – Налей-ка
Пивца, подай-ка сельдь и огурец
И мандарины фонарей Зей-Дейка
Мерцанье Рембрандтово, наконец:
Во мгле-дыму Петра, не Авраама.
Не жмут окрестившиеся срама
Ветхозаветного, и Мандельштам

Иосифа другого в голубятни
Соборов аллилуей вознесет,
Ему внимайте, иудею: внятней
Никто не скажет, открывая рот
Свой христианский, праздный! У канала
Далеко-петербургского немало
Того же самого, что я сказал

Приписка, поздняя: а если модник
И Лже-Иосиф (Непрекрасный) он.
Едва ли Донну, аглицкому, сроднику
И мой не в руку амстердамский сон.
А все же вымышленный Бродский: буди!
Но сто один палите из орудий
Тому, который движется в обгон.

1978

ДМИТРИЮ БОБЫШЕВУ

...но покажи устройство горл...

Дмитрий Бобышев,
«Зияния».

Державинщина, медля, густо перла
Из трубного моржового жерла...
И ворковало, клекотало горло
Во славу Божью: голубя, орла.
Священно ужасая, тьмя зияла.
Ликующе-рыдающе сияло –
Одолевало солнце-слово:
зло.

ИГОРЮ ЧИННОВУ

А если зло: тарантулы, мокрицы,
Клопа бессмысленного торжество
И свидригайловские небылицы?
И даже хуже: просто ничего.
Ни откровения, ни препирательств
О смысле жизни: черви издевательств.
Λυχγκη, nihil й: и оттого

Спой зло, кощунствуя Бодлером,
И прославляя пустоту вдвойне.
Звеняще пятиямбуя размером
Я всё могу: и то, что не по мне.
Но красотою зла неискушаем,
По глупости, я с пестрой торбой – раем
Ношусь, играя, смертный, смерти вне.

1974

Мои стопы отстукивали стопы
Неаполя, Акрополя, клоак,
Монастырей и галерей Европы.
Нигде остановиться я никак
Не мог: аукался в Равенне с Галлой*,
Усопший в мраморе, а прежде шалой...
У раки Поверелло припадал**.

* Усыпальница Галлы Плакиды в Равенне.

** Рака Поверелло (Св.Франциска) в Ассизи.

Раскаивался, мерзкий, на Афоне
И ванькой-встанькой прытко в небеса!
Позднее где? Хотя бы в Лиссабоне
Верченье беличьего колеса:
Слоны с гробами, белые павлины.
Рыдали, надрывая, мандолины
И фадушей шуршали голоса*.

Но приключенья присказки: не сказки.
В притоне парка не себя я из!
С ума сводили бешеные краски:
Бронзино лунный. клюквенный Матисс**.
Парча, дерюга: складки Сурбарана.
Франческа: утро, вспыхнувшее рано.
Беато: сливочно-лазурный рай.

* Слоны с гробами португальских королей в соборе Белема. Белые павлины в садах на холме Св.Георгия. Фадуши: жестокие романсы.

** Бронзино: Аллегория Времени и Любви (Национальная галерея, Лондон). Сурбаран: Похороны Св. Бонавентуры (Лувр). Пьеро делла Франческа: Воскресенье Христово (Сансеполькро). Беато Анджелико: Венчание Богородицы (Лувр) и другие картины (Сан Марко, Флоренция).

А линии: Сиена длинной шеи.
Беноццо: сбруи золотой узор.
Бальдовинетти: лобики камеи.
Учелло пикой колется: остер!
А лестница безумий Тинторетто:
Отроковица, конус... Или это:
Верблюд и молний-содроганий свет*.

Паломничество днями, до упаду:
Веласкесовы розы, серебро.
Святые привиденья Грека, Прадо.
Природы мертвой яркое добро:
Лимоны, розы... И рубаха-знамя
Расстреливаемого, небо в яме:
Врывается, мерцая, Гойя сам**.

* Сиена: Нерочье Ланди и др. Беноццо Гоццоли: Поклонение волхвов (Медичи, Флоренция), Бальдовинетти, также Полайоло: женские профили. Битвы Учелло (Лувр, Лондон). Тинторетто: Введение во Храм Богородицы и Перенесение мощей Св.Марка (Санта Мариа дель Орто и Академиа, Венеция).

** Натюрморты Сурбарана, Мелендеса, Гойя: Расстрел 3-го мая 1808 г. (Прадо). Белая рубаха жертвы: крест-знамя победы.

Другое: иудейское мерцанье
Творца. Полуночное. Свет из тьмы.
Предчувствие сыновнего сиянья:
Еще израильтяне мрака мы...
Царь одноглазый и прозрачна чаша,
Пустая: ожиданий. О, не наша!
Еще не прозвучало Отче наш!*

С ума схожу. А в горнице Вермера
Лимонно-солнечно- и тишина
Лелеемая, малого размера:
Души молочницы, и льет она
Замедленное молоко из крынки.
Яична кофточка, и до косынки:
Благословенна. Фартучная синь**.

* Рембрандт: Батавская присяга. Самая ветхозаветная его картина, хотя и изображает язычников (Стокгольм).

** Кухарка Вермера (Амстердам).

Житейское отчетливо раскрыто
И Галилеей Алькмар? Арагон?
Собаки, утки, водометы – быта
И самый незаметный, тихий: Он.
Без удивления, у Марторелла,
Самаритянка на Него глядела.
Евангелие явно, а не сон:

Лай, сучка, на потешную мартышку,
И вырисовывайся туфли мыс
Забавно-узкий. Лишки, мелочишку
Люблю и я готический карниз,
Кирпичики, далекую дорожку
Спиралью: всячинку, но понемножку!
Благословляющий ее Христос*.

* Мастер из Алькмара: Дела милосердия, 1504 г. (Амстердам). Бернардо Марторелл: Самаритянка (Барселона). Незаметный Христос и у каталонца, и у голландца.

Зеландия: коровий добрый остров,
Расположился с книжкой на траве.
Взбивающий яйцо и сахар отрок.
Бродили *Принц и Нищий* в голове
Его: моей ли, глупой, стародавней,
Московской? Только голубые ставни
Не наши... Родственная страсть и сласть.

Строительный рабочий, рыжий, хмурый,
Хромой, таскавший (годы!) на чердак
Расколотый на ломке пестрый мрамор,
Облицовал им логово: и как
Затейливо-мерцающе-дворцово.
Не рай ли это, пусть и несвятого?
Благословенный лондонский чудак.

Обличие отчасти тараканье
И обезьянье... Все же сметкой галл!
Ботинки на вокзале натирая,
Он анекдотиками угощал
Меня, и было почему-то грустно
От милой музыки его изустной...
Спасется, знаю, резвый зубоскал.

Они малы, печальны, круглолицы:
Потертые мечтатели-писцы
У голубого Тэжо. Что им снится?
Какие Индии и изразцы*
Фантазий? Обывателей грустнее
Не видел я, и с ними цепенею.
Мои для них ли рая образцы?

* Португальцы издавна славились изготовлением изразцов (ажулежош).

Кастилия. Не замки. Полустанок.
Шагающий мечтающий солдат.
И на перроне несколько крестьянок
С полуночи, вповалку, прея, спят.
Мешочницы как будто бы Расеи,
Плоды не пожинающие, сея.
Когда же вырастите вертоград?

Но католические акробаты,
Сироты-мальчики: блаженны вы!
И padre улыбается, вожатый –
Глашатай предприимчивой братвы.
Петушья-утренняя хрипла *хота*
(Хотя бы в имени его: Кихота).
Крестовый детский на заре поход.*

* Детская республика, основанная испанским священником. У детей свой цирк для забавы и для заработка. Выступали они и в Париже.

У Тибра или Арно бабки, внуки
И вечный рыночный переполох!
Смуглянки: драматические руки!
А речи: мелодический горох!
Живу втройне и верую: недаром
Жестикулируете вы! Базаром
Не будет ли искомый нами рай?

Насмешливые: ужасти! И: злые!
Не попадися, ей, на язычок!
Но и не переводятся святые:
Подобный облаку, отвел-отвлек
Пий апулийский янки-бомбовоза.
Стигматы: католические розы,
И жертву отпустивший старый Рок*.

* Капуцин отец Пио да Пьетральчина явился в облаке американскому летчику и запретил ему сбросить бомбу над апулийским селением. У него стигматы с 1918 г. Пилот позднее перешел в католичество.

Энтузиазма розовое утро,
И фунтики, ликуя, раздавал
Блюющим Яни, юноша-кондуктор,
Когда одолевался перевал.
А куртка с королевскими гербами,
Свисток... и мы уже под небесами:
Эпир! Я радости такой не знал.

Каюта-келья: ярко-голубая...
И рай-розарий: выспренный балкон.
Дитя седое, рея и играя,
Мне улыбается Иларион.
Маляр из Бауэри: во время оно...
А ныне кроткий схимонах Афона.
Христа воскресшего свидетель он*.

* Американский грек, бывший маляр, работал в Нью-Йорке. Ныне схимонах афонского монастыря-крепости Дионисиу.

А все-таки не мао-муравьино
В абстракции из букв ЕСЕСЕР.
Ее еще Россия: сердцевина,
И не отчаивайся, маловер!
Не скопище, не куча насекомых...
У Бога водворится, и в хоромах
Построенных умеючи: размах

Из Радонежского и из Рублева,
И из акустики голосников,
Из Игорева и другого Слова,
Из рокота, из шума, из стихов,
И из пословицы: мели, Емеля...
Блаженна масленичная неделя,
Вращается, пестрея, карусель.

Но гулкий колокол, а сыро-сиро,
И оспокояния: глагол
Поэта Крита. Мы сироты мира!
Блаженно кающийся сир и гол.
Таинственные сумерки ущерба,
Еще не вспухла ласковая верба,
Но пачѣ снѣга убѣлюся: верь!

А если нетути! Одна солома...
И зодчий не найдется, златоуст,
И не окажется у Бога дома...
Останется хотя бы только куст
Малины для дитяти и для бабы
На мѣстѣ пустѣ?.. А могла,
могла бы!
Отыди, Сатана! На волю: раб!

На смену мученику обыватель
Идет: ему бы в зубы апельсин,
А в руку руль отдай и обязатель-
Но: зваться абсолютный господин
Себе и дому своему в четыре
Окошка. Или больше. Дальше: шире
Вызваниваемый огромный мир.

Медово-розовое, величаний,
Струится миро, медля, в унисон.
Теките, храмовые христиане
К обедне. Кроткий сотрапезник: Он.
Пусть обыватели: семья, заботы.
Геранью счастье. Свечками щедроты,
Сияющие, Слову бытия.

Таврида вин. Украина: пшеница.
Земля и небо равномерны тут.
В раю равнина та же колосится
И те же виноградники растут.
Ей, в Иерусалиме кулебяка*
Расейская, и ты уже не бяка...
Скажите: отчего часы не бьют?

Глаза вращая и тараща речь я
Веду к тому: за что благодарить?
И от чего мне надобно отречься,
Но не робея, убыстряя прыть.
Ошую: улыбаются акулы,
А выше бесконечности и гулы
Небытия, воронки... Караул!

* Новый Иерусалим.

От умопомрачительного страха
Избавлюсь ли? И вытравлю раба...
На волю бы и со всего размаха!
О, разве не раскроются гроба?
Без отречения: что благодарность?
Не отрекается одна бездарность:
Ей не на что елей и смирну в дар!

А одесную: изумруды кошки
И неожиданное антраша
Ее. Смеется Золушка в окошке.
Моя разыгрывается душа.
О, игры! Но и иглы парадокса
Язвящего: еще я не отрекся
От страха... Все-таки благодарю.

Конец первой части

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Ад невечен.
Вечен рай.

Воскресшие зарозовели уши,
Услышавшие баюшки-баю.
Агушеньги, Егорушки, Люлюши!
Залепетали: lullaby, ru-ru,
Младенцы, старики, старухи... Няни:
Небесные уста, ланиты, длани.
Голубизна шушукавшая нянь.

Пускали пузыри мы: карапузы.
Сияя-ая пела колыбель.
Распутывали няни, медля, узы
Земные... Зеленея, та же ель:
Сверкающая святочная елка.
Лизала руки (синеока) телка.
Знакомый-незнакомый райский толк.

Воздушные шары: за ними Еи
И Юи. Галки. Гоголевый нос.
Вуали называли мы левкои*
(А не музеи). Рай: авось-небось!
Малиновые ки-про-ко-капризы.
Манерно-попугаевые ризы.
Где Мексика, где Греция, где Русь?

Ее, Эолию: сестрицу Псапфу
Приветствовали, радуя, виясь,
Певуньи-ацтекини Пси и Пфау**,
У перца устанавливали связь.
Мелодиями Мексика, Эллада
Обмениваются. Анисы сада.
Сияя, ананасовая высь.

* См. первые три строфы Первой части.

** В Мексике птица, выпевающая: пфа-у, пфан (не сродни ли кукушке?). Какая-то крылатая мелочишка попискивает: пси-пси. Сапфо выговаривала свое имя: Псапфо, которое склоняю вопреки русской грамматике.

Лелеемая ласточками, льнами
Псковщина Троице посвящена.
Сюда, Эолия, звеня стихами:
О, Псапфа выплеснувшегося сна!
Сюда, Ацтекия: перекликайся
С кукушкой Пфау. Райские свояси.
Родня везде... Утихомирьте, льны.

Уже не дети, а метаморфозы:
Всевозрастные. Райские уже.
Разнообразные: мы розы-грозы,
Мы осы-тигры-зебры на меже
Земной-небесной Иерусалима:
Из быстрого оранжевого дыма,
Из ничегошеньки вдали-вблизи.

С Руси ли, с Майи: мы юлы-июли!
Сверчками-бабочками пой, лети!
Мы даже злые взрывчатые пули:
Попадали, и снова мы в пути,
Гармонией Матиссовой играя,
Беатовой лазоревой, а с краю
Веласкесово розо-серебро.

Себя ли? Яйки? Горку ли катали?
Неописуемые не берусь
Перечислять оттеночки. Взыграли
Рубашки, сарафаны, рдея: Русь:
Бельишко раздувавшееся: Майя.
Раскраска радуги и попугая.
Неистовствуй, насвистывай, сияй!

Тормашки животишками радений:
Ох, Бог! Ух, дух! Ой, Рой! Ай, Рай! Эй! **Ей!**
Сорвавшиеся звезды: – Ах, вы сени...
За Девой Ниагарой Водолей:
И мокрой тряпкой в пропасти повисла...
Рас-ка-чи-ва-е-мы-е коромысла
Весов, а Близнецы: на карусель!

Мы зачастуя, кошками белея
И розовея язычками – прыг:
Играли с мышками, а те – ейею:
Обрадованные... Пресветлый лик
У животинки кажной. Боже, даже
У кобры, у акулы. Те же блажи,
А смерти нетути, тю-тю. Е жисть*

* **Кажное: просторечие. Е – есть (псковское наречие).**

А Хромоножка-Золушка-Психея?
Её ой-ёи и её ау!
Неуловимую ловя-лелея
Аўю-ўю-ю́ю-юю́ю́.
Не на фуфу, Фру-фру! Ей-ей, не вру я:
Аминь и Аллилуйя. Не рифмуя,
Оаю глоссолалией: oão*.

О, португальское произношенье,
Твое, неистовый Жуззэ-ррапаш!**
Шмелиное... Смеешься? В морду дашь...
Но дуновенье из носу Психеи,
Трифтонгом упорхнувшей в эмпиреи –
Оауей, но не произнести.

* Oão: португальский трифтонг. А: носовое.

** Rapaz: парень, молодец. Португальцы иногда удваивают и даже утраивают согласные: Жузэ-Жуззэ.

Иначе душенька моя **чудинкой**
Взовьется üle aja и ее
Едва я вижу. Узенькой тропинкой
Из белой ноченьки – той valge öö,
Уже несется taeva-taeva, тая,
U-ü – я тоненько. За нею стая
Весенняя, и выше небеса*.

Произношенье тоже трудновато:
Замысловато горловое ô.
Оно не ы славянское... Раскаты
Весенние, резвятся, рвутся: ônn
Ja rôôm. И русского солдата трели
Я слышу ласковые: vaike preili
Звени, вызванивай ее: лелей!**

* Üle aja: через время (вне времени) белая ночь. Taeva: на небо (эстонские слова).

** Ônn ja rôôm: счастье и радость. Из национального гимна. Vaike preili: маленькая барышня. Из солдатской песни.

Не за гроши плясала обезьянка:
С ней кружится, блаженствуя, Давид.
Крутима серафимами шарманка,
Никто не кашляет и не хрипит.
Апофеозы пусть! А из *оттуда*
Повеявшая грусть. Я не забуду,
Обиду не забуду никогда.

В раю далекая долина плача:
Акакия Акакьича беда,
Любая неудача-незадача,
Которая как будто навсегда,
Змеей язвила, вызывая слезы,
Хотя везде лазоревые розы
И розовая новая земля.

Не потешали громы карнавала,
Но тишина, у доброго плеча
Любви лелеемая, утешала,
Мирила, еле слышно лепеча,
И, зачастую, громкий раежитель,
Захаживаю в тихую обитель,
Где не остыла старая земля.

Припоминаю серенький денечек,
Такой обыкновенный и кап-кап
Косыми светлыми рядами точек...
Озяб и что-то делаю тяп-ляп.
Еще ко мне протянутые руки,
Ослабшие, обиды и разлуки.
Остатние листочки, тощий сук.

О, о земь, ухая уже не падать!
И подняла, вне времени, пчела
Трудолюбивейшая, наша память,
На выси нектара добра и зла
Сладчайшие. горчайшие частицы,
Былинки были или небылицы:
И окормила медами Творца.

И тварь. А плоть, облегченна, таится
Внутри души, но сразу узнаю*
Едва просвечивающие лица
Сквозь ауру. Знакомые в раю:
Сестрица Ея, душка Кикидора.
Мы те, но и не те уже: умора!
Ау, захватывающий простор.

* But the glorified body of resurrection (...) will be inside the soul. C.S.Lewis. Letters to Malcolm (1966).

Рай возвращенный, новый по Мильтону*:
Потерянного предками милей.
Такой лафы: малинового звону,
Малины и рябиновки, ей-ей,
Не слышали, не ели и не пили
Адам и Ева... Ну, и согрешили:
О, culpa нареченная felix.

Противоречия? Пищеваренье
Еще ли есть? Отвечу no y si.
Зоилы злые: рай стихотворенье,
И гениальное, на небеси.
Нельзя изъяли... Высоко коленце
Выкидывали ангелы потенций:
Неописуемое то и се.

* A fairer Paradise is founded now... Milton, Paradise Regained, IV, 613.

Анакреона розового вроде
Рванулся резво-раевый шалун,
По-ша-ты-ва-ю-щий-ся в хороводе
Почти тритыщелетний шустрый Лунь!*
Но хорохорится, и по-петушьи,
Превозмогая хриплое удушье:
Кренящийся классический шатун

До Пса и Рыбы утреннее счастье
(Кукареку! Эвоэ!) доплеснет!
И даже: за! Возрадуемся: красть я
Десятилетиями, скряга-мот,
Учился, одаряя ока оба
И уха: славословиями, чтобы
Окутывался-украшался Бог.

* **Гипербола: Анакреону могло бы быть теперь приблизительно** 2500 **лет.**

Анакреонами веселий или
Овидиями игр-метаморфоз,
Давидами дыханий: возлюбили
Творца, и орошенный рай возрос!
Я все солью лирические гимны:
Струятся водометы, влажно-дымны...
Плескаться вечно-весело нагим!

Вчера пойду на гуся Арзамаса
И в Званку выеду позавчера
К Державину на кофий, на балясы,
На тарыбары с самого утра.
Еще на щуку, окуней, на ямбы
Рысистые... Едва промолвлю: я бы...
Уже несется встрепанный Пегас

Куда угодно в прошлое: оттуда
Тащу мешками радости с земли
И наполняю райские сосуды
Стихами, стерлядями: ай-лю-ли!
Аи разымчивое разносили
Гермесы... Знаю: временно убили
Его и в Новом Арзамасе ждут.

Ау: *Задумаюсь, взмахну руками...*
Ау: *На рифмах вдруг заговорю...**
Земля ли путается с небесами,
Небесное с земным? Я рай дарю
Творцу и твари. Я мосту вбиваю
Воздушному: игрушечные сваи.
Резвимся, распевая: тру-ля-ля!

* **Пушкин:** ***Моему Аристарху*** **(1815).**

Ее, Италию обокраду ли,
Как Мантую австрийцы? Тьмы возов*
Найду ли? Мнится: кукиши и дули
Зоилов! А оттуда, дуя, зов:
Укради! На спину, изнемогая
Я Лестницу Испанскую взвалил,
А в зубы: млечную картину Рая
Блаженнейшего Братца... Мне бы сил!**

Еще грозу, верблюда Тинторетто***,
Венецианский воздух и парчу,
Видения Карпачьо: то ли, это?
А Адрия едва ли по плечу.
А столбовые ангелы Франческа,
Сурово-нежные, ужасно вески!****
Запепеленной розы: утра блеск...

* Фра Беато Анджелико.
** Тинторетто: Перенесение мощей Св.Марка (Академия, Венеция).
*** Сурово-нежные ангелы Пьеро делла Франческа. Муратов. «Образы Италии».

В охапку исступленную торговку,
Бесенка-внука, горе-сорванца:
Ему скакалку дай, а ей обновку!
Раскалены живущие сердца...
Пылающие угли Караваджо,
Челлини... Скажете: да это ад же!
Отвечу: нынче согреваю рай.

Украденную птицу с пылу-жару
Сожрали небожители, смеясь.
Еще какого красного товару
Прикажете, messere mio, ась?
Палаццо Питти, кьянти, тарантеллу?
Одно мгновенье piccolo-пострелу,
Меркурию; и блюдо на столе.

А я упарился... Сикстинской нощью,
Кромешной, бешеной, узлами мышц
Ворочая, вспомоществуя мощью
Мне, увальню: вселенную умчишь,
Цукая время, в рай, а не в геенну,
Которой бредил. Гению спасенну
Быть: ей! Отдышится, сияя, сей!*

Опять я назову его, Франческа!
Которого, как будто, в мире нет:
Голубоватый, розовый, без блеска
Седого солнца ярко-тусклый свет,
Босые ангелы, пророки дружеств:
Стволы разросшиеся мужеств.
Им низко кланяюсь и шлю привет.

* Микельанджело.

Диковинки восточного богатства
И шествия густые нараспев.
Мужей и юношей могущи братства,
Крепки сестричества и жен, и дев*.
Кувшины опрокинутые: главы
На толстой шее. Кругло-величавы,
Не вертятся: покоятся осев**.

Не мешкая, берите мандолины
И, хмуро заспанные, на юру,
Бренчите, чтобы скудные долины
Услышали нехитрую игру
И песню петушиную. Ребенка
Не заглушайте: крик его незвонкий,
Раздавшийся сегодня поутру***.

* Жен, а не жён.

** Золотая легенда. Явление царицы Савской (Ареццо).

*** Лондонское Рождество Христово.

У ложа кесарева бди на страже:
Во тьму вонзается шатровый шлем.
Персидскому красавцу горло даже
Перерезай, величественно нем.
Но спите крепко, воины Пилата,
Уже приподымается Распятый,
Не-ос-та-нав-ли-ва-е-мый никем*.

Мне брезжится: когда бы Богу снова
И не из бездны, не из ничего,
Творить бы вздумалось, и всплыло Слово
Веками дремлющее скрыто: во
Какое! Мог бы Сущий опереться
На ангелов и пастухов Ареццо
И на раба-верзилу своего.

* Золотая легенда: Сон Константина и Смерть сына Хозроя (Ареццо). Воскресение Христово (Сансеполькро).

Суровы-нежные сыны Отцовы:
О, овны-львы послушные Ему!
И кроткие, и крепкие равно вы:
Сродни Давиду и его псалму.
Мое ничтожество я разумею:
Приподымите выше и за шею
Я из последней силы обниму.

Мужайся, сердце, радуйся и радуй!
– Не выдадите, ангелы? «О, нет!»
Еще ты прогуляешься по саду.
Еще увидишь ярко-тусклый свет.
Немое раннее седое утро:
Оттенки пепла, розы, перламутра
И инея... Еще я шлю привет.

Трава смеется и взлетела птицей*
Душа, и вьется ЕММЕ в небесах**,
Где ВЕ Е ICE радостей-летиций***,
Любовь и воля, а не древний страх.
И пусть изгнаннику круты ступени****
Вероны! Льются ливни песнопений:
Лилеи расцвели в его руках

Флоренциями. Старый Каччагвида*****
Утешил: Алигьери тоже свой!
Что все несправедливости, обиды
За пазухой у Беатриче? Пой
Risurgi, vinci в горнице домашней******.
Лучами в небо городские башни
И рай оказывается: родной!

* Образы из Дантова Рая. Смех травы: (XXX, 77).
** Символ буквы М (ЕММЕ) имел подобие птицы (XVIII, 13).
*** Но даже в БЕ и ИЧЕ приученный Святыню чтить (VII, 13-14).
**** О чужих лестницах (XVII, 59-60).
***** Крестоносец Каччагвида, предок Данте, жил в XIII в.
****** Подымайся и побеждай (XIV, 125).

Леса готические богословий
Шумели Августина и Фомы*,
Но мне его артериальной крови
Биение слышней из тайной тьмы.
Сокрыто, и на благо, наше сердце,
Но явленное солнце раеверца
Им движимо: и радуемся мы**.

Messere: вскидчивый, колюченосый...***
Захлебывался ненавистью лай.
Его жужжали жалящие осы:
Ну, что же, защищайся, уязвляй!
Размененивался: споры-ссоры-свара!
Но розой из чадящего пожара,
Над адами-чистилищами: рай!

* Богословие не только Св.Фомы и Блаж.Августина, но и других Отцов Церкви.
** Последний стих Комедии: Любовь, что движет солнце и светила (звезда; XXXIII, 145). Перевод М.Лозинского.
*** Вскидчивый: выражение Достоевского. Лебедев говорил: Настасья Филипповна – вскидчивая.

– Светлейший княже: ниже посадили
– Меня опять и Кипром обнесли!
– За ваше здравие я из бутыли
– Грошевой ни за что! Не холуи
– Мы, Алигьери! Бывшего приора
– Увольте! Я не вынесу позора!
– Я удаляюсь из Вероны и...

Ко мне он: – Вы немедля отравите
– Такого-то смертельного врага!
– А: не хотите? Спино-мордобитий
– Не избежите, мразь и мелюзга!
Я из Равенны убегаю в Классы*,
За мною с острой палкой, черный-красн
Погнался он и фурия-яга.

* Классы под Равенной.

Упали оба и трава смеется
Опять, и золотые небеса.
Что громы полководца-венценосца*,
Витий заржавленные голоса!
Аллегро жаворонка ликовало —**
Сулило-льнуло. Не вонзало жало
Сестра тигрицы: райская оса.

* Кесарь Генрих Седьмый.

** Жаворонок: allodetta (XX, 73).

ЧЕТВЕРТАЯ ЭКЛОГА БУКОЛИК ВЕРГИЛИЯ

По прихоти бараны в пурпур или
Шафран окрашивали, млея, шерсть,
И улыбался медленный Вергилий,
Отстукивая дактилями: шесть.
Волы на отдыхе. Земля мотыгой
Не оскорбляема. Дыши. Не дрыгай:
Дождался золотого века ты.

А все же, развлеченья ради, что ли,
На Трою снова резвый Ахиллес,
Как будто бы не доставало роли
Ему, озорнику в раю: полез!
И из коры дубовой зря сочится
Смолою мед... Не искажайте лица:
Прекрасные! Агу, мальчишка, цыц!

Цветок засохший, безуханный…
Пушкин (1827)
Цветок засохший, душа моя…
Брюсов (1910)

Другие кровеносные сосуды
У раежителей, другая кровь,
Уже не беспокоящая уды,
И не сводящая с ума любовь.
В раю мы прытки, но не падки, пылки.
У нас осенние сухие жилки
Остатнего слетевшего листка.

Бумажки мы. Не на земь, а в Элизий!
Айда! На небеси зашелестим,
Сестрицы, братцы! Дали или близи:
Единое. Блаженно-нежно с Ним.
Летим и ждем оттудова, из Низу,
Где клены, ясени, березы ризу
Срывали золотистую, и нимб

Сиял их: оглашенную ораву,
Шуршащую, бумажную, гостей.
Сухие, яркие они на славу!
Новоприбыв-шего-шую лелей!
Увы, земли возлюбленные хмуры:
Ревнивые! А наши шуры-муры
Всеобщие: ей-ей, куда милей!

Дубовые листки: края колючи.
Железо ли, заржавленное, медь?
А все же поднимаются на кручи
Элизия, где лучше не краснеть,
А золотиться. Лиственницы иглы
Желтели мяконькие. Фигли-мигли
Осенне-легкие, и нету мглы

Минувшего, а милости сияний...
Мы старенькие, а еще резвы:
Счастливые беспомощные длани
За днем усекновения главы
Крестителя. Играя тихо, в порах
Ютится Псиша. Заповедный шорох.
В ладошке бьется: я ли или вы?

Приятельница палевая: баю
Ей медленные напевали льны.
Манерничаю и в раю играю...
Милее мне полотна тишины,
Не саваны; свивальники, и еле
Покачиваемые колыбели.
Лелеямы, любимая, лён, лён!

Американцев (издревле), не греков
До времени загадки затаи,
Зигзаги и спирали сапотеков,
Узоры Митлы: молнии-змеи...*
Законы математики иной
И воля вольная наперебой...
Я окаю высоко: о-о-О!

Слова едва ли и едва ли звуки,
Но обходиться не могу без слов.
Широко аркой простираю руки:
Без имени, Иваск ли, Иванов,
Я, немо-медля выдыхаю душу,
Моря, озера, реки, небо, сушу,
И вею в ветер, образуя дух,

* О Митле в моем сборнике «Хвала», стр. 34.

Который, ахово-потенциален,
Змеей струится, высоко виясь.
А в памяти наборы готовален.
Она наладится, иная связь:
Согласованье неба и предметов
У братьев из породы параклетов*
Мы удадимся, не сойдя на нет.

Трагикомедия в раю: из энных
Возможностей, которая милей
Для игроков, уже давно нетленных?
Кем буду: Дэнди или Лорелей?
Зеленой розой, золотистой кошкой?
Хотя бы и лазоревой картошкой...
Играй, расти, мяукай! Или: вей!
Сдается, зря болтаю я: ей-ей!

Остен (Техас)
Гуанахуато, Сан-Мигель
де Айенде (Мексика)
Амхерст (Массачузетс)
Июнь 1971 – Октябрь 1972

* Параклет (греч.): утешитель, защитник.

